

1. Письмо издателю

Вы всё время напоминаете мне, чтобы я написал книгу о Валентине Распутине. Я постоянно об этом думал, но пришел к выводу, что написать её не смогу. В той мере, какую заслуживает его личность. И постараюсь это объяснить.

Судите сами.

Я познакомился с ним поздней осенью 1972 года. Был тогда редактором в издательстве «Современник». И меня командировали в Иркутск, на конференцию молодых писателей. Она называется МТС. Название меня насмешило: до армии я как раз успел поработать именно в МТС, машинно-тракторной станции.

— Чего заулыбался? — спросил мой начальник.

— Я слесарем по ремонту в МТС работал.

— А. Нет, это конференция «Молодость, Творчество, Современность», такая МТС. Там сильная молодёжь.

Добавлю, что издательство «Современник» (создано в начале 1971 года) свершало великое дело помощи писателям и поэтам России. Это ветераны Союза писателей хорошо помнят. Когда меня демократы старались укунить за уязвимый по их мнению факт моего пребывания в партии, это мне как награда. Откройте архивы, темы наших партсобраний, протоколы партбюро: о чём были наши радения? Именно о помощи писателям из провинции. Строго спрашивали с редакции прозы, поэзии, критики и литературоведения, национальных литератур именно за издание книг не просто писателей с мест, а непременно за поиски молодых талантов. А то, что они были везде, сомневаться не приходилось: это же Россия, это же русская литература, это же литература народов Российской Федерации.

И вот я полетел. В самолёте не спал ни минуты. Летели часов семь с посадкой в Омске. Разница в Иркутске с московским временем пять часов. Открытие конференции было в день прилёта. А я вторые сутки без сна. Конечно, уснул прямо в президиуме. И вдруг меня толкают в бок. Оказывается, что мне предоставляют слово. Но так как я в самолёте думал о выступлении, то легко его проговорил. Произнёс вызвавшую аплодисменты заготовленную фразу:

— И точно так, как в зиму 41-го года пришли в Москву сибирские полки и защитили её, так и сейчас сибирские писатели приходят в литературу России и спасают её.

Мне было что сказать: имена иркутян были в планах нашего издательства: Геннадий Машкин, Вячеслав Шугаев, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Альберт Гурулёв, Глеб Пакулов, Дмитрий и Марк Сергеевы. Значился и Валентин Распутин. Но я у него ничего не читал. Хотя слышал самые хорошие отзывы о его повестях «Последний срок» и «Вверх и вниз по течению».

Перед торжественным ужином по случаю открытия конференции он сам пошёл, протянул руку. Как-то легко и улыбочиво сходу мы стали на ты.

— Я видел, что ты спал, это же понятно, такая переброска во времени. Но хоть бы что — тебя объявляют, вышел, отбарабанил.

— Такие речи может и табуретка говорить.

Ещё из того приезда я запомнил, как смотрел с третьего этажа из окна гостиницы «Ангара» на уходящего Валентина. Ветер, метель, а он в лёгоньком пальто, лёгких ботиночках, даже без перчаток, прижав локтем к груди изрядную стопку книг и рукописей, пересекает огромную центральную площадь.

Ну вот, вернулся я в Москву, и на следующий день наутро увидел около своей кровати жену, которая прижимала к груди книгу Распутина. Она спросила:

— Ты проснулся?

— Да.

— Ты знаешь этого писателя, ты с ним знаком?

— Да, — отвечал я, — он же книгу-то подписал. Хороший парень. Обещал, когда будет в Москве, зайти в гости.

— Какой парень? — потрясенно сказала жена. — Ты понимаешь, что это великий писатель?

— Да я пока ничего у него не читал. Хотел в самолёте почитать, но эти иркутяне так провожают, что потом улетаешь от них как в тумане. А что, хороший писатель?

— Не то слово! Я же сказала — великий.

Тогда же прочитал я «Последний срок» и понял: жена моя, учитель литературы, права.

Когда Валентин прилетел в Москву, позвонил, мы встретились, я сказал:

— Ну вот, как мне теперь дальше жить? Я же тебя уже на ты называю, а теперь прочёл и не смею.

— Нет уж, пятиться не будем, продолжай на ты называть.

Я и продолжил.

И продолжал все последующие сорок два года. И теперь, в тоскливом одиночестве после его ухода в жизнь вечную, понимаю, что ничего о нём не смогу написать. Не от бессилия, от неохватности его личности. Ведь это же только представить, и представить даже невозможно эту прожитую жизнь в дружбе с ним: обилие встреч, сотни заседаний на всяких съездах и пленумах, комиссиях, совместные поездки в десятки стран, тысячи и тысячи звонков, сотни писем и записок, тысячи и тысячи чаепитий, радости выхода книг, премьеры спектаклей и кино. Сами эти мероприятия как-то облагораживались от одного его присутствия. Бывали они иногда в не очень дружеском окружении. Вот мы — члены Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Приходим на первое заседание. Валя, осмотревшись: «Видимо, нас сюда посадили для прибавки процента русских».

С одной стороны он был неисправимый пессимист, с другой помню его и шутником. Летим в Венецию. А тогда очень читаемым был роман «Увидеть Париж и умереть». Идём на посадку и долго, совсем низко летим над волнами, так и кажется, что булькнем. Валя хладнокровно смотрит в иллюминатор, поворачивается, улыбается: «Увидеть Венецию и утонуть». Приём в Ватикане у папы Римского. Кардиналы в лиловом (шепот на ухо: «Этот цвет показывает почтение к вашему визиту») деликатно просят не занимать папу беседой более двух минут. Валя мне: «Бери мои две минуты и говори с ним четыре».

Первый раз мы вместе за границей были в 1976 году в Финляндии. И там говорили много кой-чего. То есть ничего такого не говорили, но для того времени и это казалось смелостью. Валя: «Вообще, я думаю, надо меньше писать. Всё уже написано. Надо больше читать. И меньше издавать новых книг. Будет экономия древесины, сохранятся леса. Сейчас писателей в Советском союзе всё больше. Явный рост по сравнению с царским временем. В Орловской писательской организации пятьдесят человек (здесь он для красного словца увеличил цифру), пятьдесят, а до советской власти было только три писателя: Бунин, Лесков и Тургенев». Я же в свою очередь добавлял: «Мы уезжали из Москвы, и там был холодный проливной ливень, а вот у вас в Хельсинки сияет солнце. Значит, небеса более склонны к капитализму, нежели к социализму». Такие шутки надолго (мне вообще на десять лет) закрыли нам выезды за рубеж.

Много чего можно вспомнить. Но что это добавит к показу личности Распутина? Главного все равно не ухватить. Главное — невозможность выразить тайну его воцерковления. И значение этого в его жизни. Именно она давала ему силы в борьбе за возрождение Православия в нашем Отечестве. Крестился он осенью 1980 в Ельце по благословию нашего первого общего духовника схиеромонаха Нектария (Овчинникова). Крестил архимандрит Исаакий. Были при этом только мы с Маргаритой (Ренитой) Григорьевой и келейница архимандрита. Раб Божий Валентин в своей новой белейшей рубашке прямо светился. И несомненно Крещение стало одухотворять его труды.

Вера Православная помогала ему сохранять великую скромность на заоблачных высотах власти и одновременно питала несгибаемую твердость в отстаивании позиций, когда дело касалось вопросов русской культуры, русского самосознания, русской самобытности.

Нет, пусть всё это останется только во мне, те места и события, когда мы были вместе: схождение Благодатного Огня в Страстную субботу в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, и та ночь на Поле Куликовом, и Прохоровское поле, могилы: отца в Аталанке, дочери и жены в Иркутске, Ольхон, и та морозная лунная ночь на Байкале, Япония и Монголия, Венеция, Ватикан, поездки в мою Вятку, Питер, Белгород, Мурманск, где был ранен его отец, Петрозаводск, Орёл (могила Воронцова), Киев и Минск, Вологда (иначе как нам без Василия Ивановича), и научные центры подмосковных городов. И, отдельно, Сергиев Посад, Задонск. И Новгород и Кострома. И ночь у костра рядом с белеющим в темноте Ферапонтовым монастырём. Нилова пустынь... Всё это сияющее пасхальными свечами царство никогда мне не выразить, и пусть оно доживает и доживёт только во мне. Не оттого, что не хочу им делиться, просто оно настолько велико, что не сумею. Нет уже сил, не смогу. А скорее всего, и не хочу.

И как вспоминать последние его земные годы. Эти болезни, вызванные двумя нападениями на него: в Красноярске и Иркутске. Его же убивали в самом прямом смысле этого слова. Особенно ужасно было видеть следы страшного удара по лицу. Когда даже лобная кость сломалась, и потребовалась сложнейшая операция для выравнивания её.

А то московское утро, когда услышал об аварии самолёта в Иркутске и сразу позвонил ему, и спросил, не погиб ли кто из знакомых. «Куда уж знакомее: Маруся ушла».

А потом и Света, венчанная жена, ушла. И восполнить такое ни сын, ни внуки, ни товарищи, ни друзья не могли. Одиночество обрушилось на него. Одиночество и болезни. Он так много перестрадал, что хватило бы на десятерых.

И — последняя встреча. Мы пришли к нему с иеромонахом Заиконо-Спасско-го монастыря отцом Иоасафом. Валя исповедовался и причастился. Лежал, весь выболевшийся и просветлевший.

Дорогой издатель, судите сами, как обо всём этом написать? Только напомним о том, как нас привели в алтарь храма Христа Спасителя, где показали мраморную доску с именами членов первого Совета по Возрождению этой святыни. Там были и наши фамилии.

— Ради этой надписи стоило жить, — сказал он.

А уже было через недолгое время в этом храме отпевание членов Совета Георгия Свиридова, Владимира Солоухина. Настала очередь и раба Божия Валентина. Именно в день своего рождения он ушёл в жизнь вечную. Ведь в Иркутске уже было 15 марта, когда в Москве 14-е. Близилась полночь. Что-то во всём этом есть промыслительное. Особенно то, что 15 марта — это день Державной иконы Божией Матери, спасающей доселе Россию.

Ничего уже не вернётся. И умрёт вместе со мной. Но оно же было! Как и та ночь, когда мы сорвались из застолья в гостинице «Русь», схватили частника и поехали на могилу его друга Сани Вампилова, погибшего за три месяца до нашей встречи. Машина буксовала, я швырял под колёса свою вятскую ямщицкую дублёнку. Вернулись в город ночью. Валя не сразу меня отпустил, привёл к себе домой. Тогда они жили на бульваре Гагарина, ближе к Ангаре. Мы потихоньку прокрались на кухню. Валя достал из холодильника вкуснейшую байкальскую уху, сваренную его женой, великой мастерицей Светланой.

Согласитесь со мной, люди добрые, что всем нам пока не под силу осмыслить появление Валентина Распутина в России, и его значение для её нравственной жизни.

2. Распутинское слово

А вдруг всё это приснилось, всё, что началось в день его рождения, с пятнадцатого марта. И этот предполуночный звонок, и ночное радио, и утреннее телевидение, и храм Христа Спасителя, и люди, люди, люди, и гроб, утонувший в цветах, и Патриарх, и облегчающее душу отпевание, и долгий перелет навстречу рассвету. Ангара, Знаменский монастырь, и снова люди, люди, люди, и митрополит, и холм жёлтого песка, и резной Крест, и гора цветов над могилой, и шеренги венков у стен церкви, вдруг всё это приснилось? И это холодное мартовское солнце. И этот мужчина у могилы, земляк писателя, который горестно восклицал, обращаясь к фотографии: «Валентин, а чего же Григорий-то и Нина не приехали? А ты ведь столько им помогал».

И этот осиротевший Иркутск. Было ли?

Да, всё было. И тяжелейший обратный путь из Сибири к закату.

Давным-давно, не помню от кого, услышал я выражение: «В мире одно счастье — Бог, остальное страдания». Вначале всё во мне сопротивлялось: а как же радости жизни, и улыбки и книги, реки и моря? Но ведь это всё вечно только для Бога, для нас мгновение, вскрик в ночи. Как ни живи, а впереди смерть. Если ребёнок родился, он умрёт. Чему радоваться?

И второе, уже евангельское: «Мир во зле лежит. Злу не положено предела». Да, так. Конечно, мы верим, что Господь поразит зло, но Он поразит его в полном

объёме, а для этого оно и должно открыться в своей полноте. А наше дело спасти себя. Мы на земле в командировке, посланы в неё, чтобы заработать вечную жизнь. Она же есть! Не умер же преподобный Сергей Радонежский и все святые, они с нами.

Валентин Распутин очень любил святого Сергия. Исследователи творчества писателя проходят мимо главного в распутинских трудах, в их духовной наполненности. Она и всегда была. Маленький ранний рассказ «Мама куда-то ушла» говорит о страданиях мальчика, который проснулся и увидел, что он всеми оставлен. Ему кажется, что он одинок, но кто-то же его видит, жалеет его? Конечно, Господь. Тогдашний автор взял на себя всеведение Бога: он был с мальчиком, но тот его не видел. Жалость автора передалась читателям, и они своим состраданием помогают ребёнку пережить одиночество.

Валентин Григорьевич предчувствовал свою земную кончину. «Он лежал и вяло и беспричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова «март» и «смерть». Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю». (Повесть «Пожар».) Много мартов пережил, нынешний не смог.

Главный секрет его таланта в том, что он глубоко православный, воцерковлённый человек, раб Божий. Его вера была сокровенна. За год до 600-летия Куликовской битвы он был на Поле Куликовом и написал о нём. Затем была работа «Ближний свет издалека» о преподобном Сергии. И это были те вершины, по которым равнялись и остальные труды. Он крестился в Ельце в 1980 году. Его духовным отцом был великий старец схиеромонах Нектарий, благословивший Валентина крестом последних оптинских старцев. Многие ли знают, что и Оптиная пустынь была возвращена Православной церкви трудами Распутина. Это к слову сказать тем, которые всячески кусали писателя за «хождение во власть».

Когда мы читаем о мучениях христиан первых веков, то вот перед нами Распутин — их повторение в наших временах. Его дважды убивали, в Красноярске и в Иркутске, у него умер сын, погибла дочь, тяжело и долго умирала жена, и сам он шёл по лечебницам и больницам как измученный человек, как израненный воин. И при всём том, слышал ли кто от него хоть малую жалобу на болезни? Какой там! Его продолжали мучить, от него требовали постоянного присутствия на каких-то совершенно ненужных мероприятиях, у него рвали предисловия, а вырвав, умильно говорили: «Валентин Григорьевич, берегите себя». Как беречь, если тут же нападает другой-третий, поглощает его время, изнуряет нервы. Уносит здоровье. Воистину, жил среди писателей-вампиров.

Он был чужд обид на кого бы то ни было. Знал, что во всех своих несчастьях человек виноват прежде всего сам. Знал, что жизнь даётся для подготовки к вечности. Что ничего нечистое в Царство Небесное не войдёт. Что все испытания, беды, посылаются нам для очищения души. Главное — сохранить верность Богу. И что Крест не по силам Господь никому не даёт.

В 2008 году он был в Иерусалиме на схождение Благодатного огня. Как он выстоял в храме Воскресения многочасовое стояние-ожидание в жаре, тесноте, криках, это могло быть только с Божией помощью. Ведь уже и тогда он плохо себя чувствовал. Но всегда потом с радостью вспоминал тот день.

Он человек, которого полюбили и Восток и Запад, как русского человека, спасителя мира. В прямом смысле. Больше миру неоткуда ждать спасение. Только из России и от России.

В силе своей прозы он неподражаем. Как назвать стиль его письма, манеру? Непонятно. Всякие критики тут бессильны. «Как я пишу? Никогда ничего не выдумываю. Просто вспоминаю».

Его проза на вершине русской классики. Она — итог не только трехсотлетней истории русской литературы, больше, она захватывает ещё и устный период словесности. Но что главное — его проза — это ещё и прорыв к новым пространствам русского слова.

Это пространство в заботе о спасении человека. От первородного греха. «Адам, где ты?» — воззвал Бог. И возвращение человека к Богу — это и есть главная его цель.

А для русского слова — возвращение к его главному назначению — служить достижению этой цели.

Когда будет новый Распутин? Никогда не будет. Он уже был. И остался. Лучше спросить: когда будет писатель такого же уровня? Это зависит от его ожидания. Русский язык способен помогать тому, кто верит в Бога и в Россию. Кто, как Распутин, будет понимать, что дело спасения человека не в политической системе, не в деньгах, не в оружии, не в экономике, а в очищении в себе образа Божия.

И последнее. Значит, Господь любит Россию, если подарил ей Распутина.